

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Посвящается

Л. Н. Толстому

О 12-м томе альманаха «Прометей»

ВРЕМЕНАМИ кажется, что мы знаем о Л. Н. Толстом уже все, поскольку весь Толстой издан, прокомментирован, истолкован. Но вот появился двенадцатый том историко-биографического альманаха «Прометей», задуманный в связи со 150-летним юбилеем великого писателя. Здесь много не только интересного, но и нового.

Поначалу картина представляется слишком пестрой. Исследовательские статьи М. Храпченко и П. Палиевского, открывающие том, сменяются разделом «Поиски. Находки. Гипотезы», где речь идет о декабристах, Н. Г. Чернышевском и С. Т. Аксакове, о педагоге С. А. Рачинском и Н. К. Крупской, об олонечком былинщике В. П. Щеголенке, об Оптиной пустыни («Почему туда ездили великие?»), богоискательстве и богоборчестве Толстого. Среди публикаций новых материалов — фрагменты из «Моей жизни» С. А. Толстой, увлекательные воспоминания С. Н. Дурылина о встречах с Толстым в самые последние годы жизни; но здесь же целое исследование знатока русского коневодства Я. И. Бутовича о «Холстомере» и неожиданные конспекты лекций М. М. Бахтина. Раздел «Вокруг Толстого» невелик по объему, но столь же разнообразен: обстоятельная статья внука Толстого, Сергея Михайловича, о единственной сестре писателя — Марии Николаевне соседствует с рассказом о словацком друге Душане Маковицком, с интереснейшим повествованием об Александре Добролюбом, поэте и сектанте, а затем помещены воспоминания шведа Ю. Стадлинга «С Толстым на голоде в России». «Художественная галерея» сменяется разделом «Смесь», где само название

предполагает разговор поне-много и обо всем.

Вчитываясь пристальнее, замечаешь, однако, что в пестром по составу томе есть прочный стержень, организующий материал: вопрос об отношении Толстого к народу и революции. На современном этапе интереса к Толстому и его изучения во всем мире именно эта проблема особенно актуальна. Как звук колокола, возвещает о ней фрагмент статьи В. И. Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции», воспроизведенный с автографа на первых страницах книги. Верный ориентир дается сразу же — в работе М. Храпченко: «В настоящее время, пожалуй, наибольший интерес привлекают к себе социально-гуманитарные и философские проблемы наследия Толстого». Озаглавив свою статью «Значение Толстого для литературы XX века», П. Палиевский справедливо замечает: «Сама постановка вопроса, которую мы себе позволяем, — значение Толстого для литературы» — была бы для него в высшей степени сомнительной. По его убеждению, ценность писателя измерялась не тем, что он сделал для литературы, но тем, что он сделал для жизни».

Каким образом одному, каждому человеку сделаться лучше? Как жить, чтобы чувствовать себя не виноватым? Как воздействовать на других, чтобы они стали лучше? Какими путями усовершенствовать весь строй жизни? Чем больше мы узнаем Толстого и его творения, тем больше убеждаемся, что эти вопросы занимали его с молодых лет до самого ухода из Ясной Поляны, до последних минут жизни.

В пору работы над «Воскресением» и «Хаджи-Муратом» «лучшими русскими людьми» Толстой назвал декабристов. Несколько раз принимался он за роман о декабристах: в 1860, 1878 и 1905 годах. Характерно, что всякий раз — во время революционной ситуации в России. Превосходная работа Н. Азаровой «Строка о Пестеле (Из истории работы Л. Н. Толстого над декабристской темой)», помещенная в «Прометее», дает документальные подтверждения тому, что декабризм жил в сознании Толстого как семейное предание, фамильная традиция.

Противоречивость суждений Толстого о славянофилах в период первых встреч 50-х годов и позднее перестает удивлять, если иметь в виду главный критерий этих оценок: отношение к русскому народу и его судьбе. В. Попов касается этих вопросов в специальной работе, и вновь мы видим новые материалы, заимствованные из забытых или недавно появившихся (как полные «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого), а также из архивных источников (архив Аксаковых в Пушкинском Доме).

Прекрасному педагогу, истинному просветителю и демократу С. А. Рачинскому пришлось «издали любить» Толстого. При всем сходстве взглядов, уважении друг к другу их разделила пропасть: толстовская критика официальной церкви (это убедительно показано в работе И. Антюфеевой).

Спор между Толстым и церковью давно рассудила история. Да и во времена Толстого даже темные крестьяне понимали, на чьей стороне правда. В мемуарах шведа Юнаса Стадлинга, занимавшегося в 1892 году организацией международной помощи голодающим рус-

ским деревням, это показано очень отчетливо.

Нужно быть признательным редакции «Прометей» и В. Александрову, нашедшему эти воспоминания в старом американском журнале (прежде были известны лишь отрывки, пропущенные цензурой в русскую печать, с неверным обозначением: «Рассказ американца Стадлинга»).

Литература для народного чтения, для крестьянских детей — эта задача занимала Толстого «на гребне педагогических споров» в начале 60-х годов и позднее, до конца жизни. В статье В. Калугина впервые обстоятельно исследованы отношения Толстого с былинщиком Олонечкой губернии В. П. Щеголенком, а небольшая по объему работа Ю. Сальникова касается согласий и споров с замечательным русским педагогом и детским писателем К. Д. Ушинским.

Хрестоматийно известно и цитировалось много раз письмо к Н. Н. Страхову от 3 марта 1872 года, относящееся ко времени работы Толстого над своей «Азбуккой». Знаменит и чертёж, сделанный в этом письме: парабола литературного развития. Оказывается, что в чертёже на «высшей точке» рядом с именем Пушкина стоит еще одно: Глинка. Толстой, стало быть, и тогда думал не об одной литературе, а об искусстве вообще. Через много лет он напечатает трактат «Что такое искусство?», где такая постановка вопроса выявится со всей очевидностью. Маленькая публикация Д. Старикова о Глинке — подлинное открытие.

С публикацией обстоятельной работы Я. И. Бутовича (подготовлена к печати Д. Урновым) стало вполне ясно, почему так заинтересовался Толстой историей Холстомера (он ведь — Мужик 1-й) и какова была действительная судьба этой замечательной лошади. Приходится отметить лишь одну досадную неточность: напрасно, поправляя Я. И. Бутовича, редакторы повторяют ошибку Б. М. Эйхенбаума, относившего начало работы над «Холстомером» к 1863 году (в действительности 1861 год).

В заключение — отдельный разговор о Т. А. Толстой-Сухотиной.

Публикации последнего десятилетия не случайно связаны с именем старшей дочери Толстого, Татьяны Львовны. Она не только любила, знала, но прекрасно, хотя и по-своему, понимала великого отца. Из скромности Татьяна Львовна напечатала при жизни лишь маленькую книжку — «Друзья и гости Ясной Поляны». Только теперь мы получили том ее воспоминаний (издательство «Художественная литература», М. 1976) и «Дневник» («Современник», М. 1979). В «Прометее» помещена превосходная работа А. Щербухиной «Т. А. Толстая-художница», живо рассказанная и, конечно, хорошо иллюстрированная.

Как известно, в московском музее Л. Н. Толстого хранится более 16 тысяч фотографий, среди них около 5 тысяч — с изображением писателя. О. Ершова и Т. Поповкина умело отобрали сто известных и редких. Особенно поражают замечательные снимки, сделанные М. А. Стаховичем, П. И. Бирюковым и другой дочерью Толстого, Марией Львовной.

В целом «Прометей», посвященный Л. Н. Толстому, доставляет большую радость.

Л. ОПУЛЬСКАЯ